

DOI 10.15826/qr.2020.2.470
УДК 327.5(470:581)"1979/1989"

ПАТРИОТИЧЕСКИЙ ВЕКТОР В РЕТРОСПЕКТИВНЫХ ОЦЕНКАХ АФГАНСКОЙ ВОЙНЫ*

Иван Сафранчук

Андрей Казанцев

МГИМО Университет,
Москва, Россия

Рустам Махмудов

Университет мировой экономики и дипломатии,
Ташкент, Узбекистан

PATRIOTIC INTERPRETATION IN THE RETROSPECTIVE ASSESSMENT OF THE WAR IN AFGHANISTAN**

Ivan Safranchuk

Andrey Kazantsev

MGIMO University,
Moscow, Russia

Rustam Makhmudov

University of World Economy and Diplomacy,
Tashkent, Uzbekistan

This article refers to memoirs of high-ranking participants and witnesses of the war in Afghanistan (1979–1989) published in the 1990s: it singles out two departmental interpretations of the war by military and intelligence veterans and examines their influence on the study of the history of the war. The article takes an unprecedented look at important transformation in interpretations at the turn of the century. The authors provide a holistic picture which they define as a patriotic

* Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО Университета МИД России в рамках проекта № 1921–01–04.

** *Citation*: Safranchuk, I., Kazantsev, A., Makhmudov, R. (2020). Patriotic Interpretation in the Retrospective Assessment of the War in Afghanistan. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8, № 2. P. 399–414. DOI 10.15826/qr.2020.2.470.

Цитирование: Safranchuk I., Kazantsev A., Makhmudov R. Patriotic Interpretation in the Retrospective Assessment of the War in Afghanistan // *Quaestio Rossica*. Vol. 8. 2020. № 2. P. 399–414. DOI 10.15826/qr.2020.2.470 / Сафранчук И., Казанцев А., Махмудов Р. Патриотический вектор в ретроспективных оценках Афганской войны // *Quaestio Rossica*. Т. 8. 2020. № 2. С. 399–414. DOI 10.15826/qr.2020.2.470.

perspective and describe its elements. Also, the article demonstrates the main peculiarity of its formation and support, i. e. the use of interpretations of current international events to justify a positive assessment of the war in Afghanistan. The authors conclude that the formation of the patriotic perspective diminished the objectivity of knowledge about the war in Afghanistan and is probably going to further impede access to it. Together with this, the patriotic perspective has made it possible for the war veterans to complete their withdrawal from the war as they have given up disputes about the character of the war which endured from its start.

Keywords: war in Afghanistan; Russia; departmental interpretations; patriotic interpretation.

В статье на базе воспоминаний высокопоставленных участников и свидетелей Афганской войны, опубликованных в 1990-х гг., выделяются две ведомственные интерпретации Афганской войны (1979–1989) – военных и внешней разведки КГБ – и рассматривается их влияние на изучение истории этой войны. Впервые описывается важная трансформация интерпретаций на рубеже веков, которые были сведены в общую новую картину (авторы определяют ее как патриотическую). Приводятся основные элементы патриотической интерпретации. Показывается главная особенность ее формирования и поддержания: использование трактовок текущих международных событий для обоснования положительной оценки Афганской войны. Делается вывод, что в том виде, как это произошло, формирование патриотической интерпретации стало отдалением от объективного знания об Афганской войне и, возможно, будет затруднять дальнейшее продвижение к нему. Одновременно патриотическая интерпретация помогла завершить выход из войны в широком смысле слова для самих ее ветеранов, которые оставили принципиальные споры о ее характере, тянущиеся с самой войны.

Ключевые слова: Афганская война; Россия; ведомственные интерпретации; патриотическая интерпретация.

На завершающем этапе Афганской войны уже существовало понимание, что переход от войны к миру не будет простым, что у этой войны будет свое «эхо». Шли дискуссии об отношении общества и государственной бюрократии к воинам-интернационалистам. Но также важной частью перехода от войны к миру было восполнение знаний об Афганской войне, о которой обществу долгое время предоставлялась неполная и искаженная информация.

Среди источников по истории Афганской войны важными являются воспоминания ее высокопоставленных участников и свидетелей, опубликованные с начала 1990-х гг. параллельно с рассекречиванием документов. Авторы воспоминаний часто противоречат друг другу, а нередко информации из документов. Но у этой противоречивости есть системность: разногласий гораздо больше между пред-

ставителями разных ведомств, чем между коллегами по одному ведомству. Во многих воспоминаниях отмечается, что по афганскому вопросу существенные ведомственные разногласия имели место еще во время войны. В 1990-е гг. это стало важным приращением в стремлении к объективному знанию об Афганской войне, и практически все научные и публицистические работы, в которых упоминается о ведомственных разногласиях, приводят примеры таковых.

Необходимо понять, трансформировались ли ведомственные споры времен войны в существенно отличные и достаточно цельные ретроспективные ее интерпретации и насколько эти интерпретации способствуют или мешают ее изучению. Задача состояла в реконструкции ведомственных позиций, вычленении соответствующей информации из воспоминаний, установлении динамики этих позиций в послевоенный период. Для реконструкции ведомственных позиций заданы два критерия: симметричность проблем, по которым высказывается мнение разными ведомствами, и различие мнений. В результате самостоятельные и достаточно цельные интерпретации Афганской войны (цели, течение и итог) удалось описать для военных¹ и сотрудников внешней разведки КГБ². При отслеживании развития этих ведомственных трактовок авторы впервые выявили синтез интерпретаций военных и разведчиков в начале 2000-х гг.,³ за счет чего была сформирована новая патриотическая версия событий.

Ведомственные интерпретации военных и разведчиков

Военные полагали, что они были поставлены в крайне неблагоприятные условия в Афганистане, но делали максимум возможного, несмотря на то, что трудностей им только добавляли⁴. Они с самого начала выступали против ввода войск в Афганистан, но их туда послали политики, опираясь на информацию от разведки КГБ (иногда

¹ Для военных это было сделано главным образом по воспоминаниям Б. В. Громова [Громов], А. А. Ляховского [Ляховский, 1995], В. А. Меримского [Меримский], М. М. Майорова [Майоров], также использовались воспоминания М. А. Гареева [Гареев], книга «Война в Афганистане» [Война в Афганистане], статья военного историка В. Г. Сафронова [Сафронов], интервью А. С. Аушева [«Начальники махали шашками»]. Для реконструкции ведомственной позиции военных были привлечены воспоминания, в которых отражены политические и военно-стратегические аспекты (литература, в которой описываются только личный опыт, отдельные операции и т. д., не привлекалась).

² Ведомственная позиция разведчиков описывалась по воспоминаниям Н. С. Леонова [Леонов], Л. В. Шебаршина [Шебаршин, 1992; Шебаршин, 1994], В. А. Крючкова [Крючков, 1996].

³ См. работы Р. А. Медведева [Медведев] и В. И. Варенникова [Варенников].

⁴ Представленную далее интерпретацию военных в большей степени выражали и разделяли те, кто непосредственно командовали войсками в Афганистане, вверх же по командной цепочке согласие с некоторыми ее пунктами ослабевает. Например, среди военных были сторонники более решительных действий и в ходе ввода войск, и в дальнейшем (с оговорками, что лучше было вообще не вводить войска, но если уж ввели, то не должно быть такого – «ограниченный контингент и воюет ограниченно») [Гареев, с. 46–47, 62–65].

говорится, что также от МИД, но он упоминается редко) [Война в Афганистане, с. 215–216; Меримский, № 10, с. 13–14, 21; Майоров, с. 44]. Неблагоприятные условия предопределялись несколькими факторами: отсутствием четких изначальных задач или их изменением, что привело к втягиванию в местный конфликт [Меримский, № 12, с. 27–29; Гареев, с. 49, 54, 62]; нежеланием афганской армии и полиции брать на себя бремя войны с мятежниками, а нередко и помощью им [Меримский, № 12, с. 32; Громов, 1994, с. 121, 182, 261]; иностранной помощью моджахедам [Громов, с. 198–202]. Военные делали все возможное: старались минимизировать потери (и свои, и среди мирного населения) [Там же, с. 177, 196, 255], не шли на эскалацию военных действий (иногда даже обманывали начальство, если оно требовало активизировать боевые действия), а старались замирать моджахедов [Громов, с. 144, 175, 192–193, 207, 264–265; Афганистан: предварительные итоги, с. 26–27], даже ставили вопрос о выводе войск [Громов, с. 217; Майоров, с. 271]. Трудностей добавляли афганские и советские политические руководители (первые занимали иждивенческую позицию и постоянно требовали более активных военных действий, а вторые долго шли у них на поводу) [Громов, с. 175, 313–314], приказы из Москвы и инспекции крупных военачальников, которые не учитывали местную специфику⁵, КГБ (разведчики требовали масштабных операций против знаковых фигур моджахедов, которых армейские генералы предпочитали по возможности замирать) [Там же, с. 194–195]. В отношении КГБ критика приобретала иногда крайне острую форму: «Очевидно, не навоевавшись со своими соотечественниками, кабинетные деятели КГБ стремились во что бы то ни стало проявить доблесть в Афганистане. Вот только для того, чтобы кто-то из них продырявил лацкан своего пиджака для очередного ордена, солдаты и офицеры 40-й армии должны были рисковать жизнью» [Там же, с. 195]. Крайне резко высказывался в адрес разведки КГБ маршал Н. В. Огарков [Майоров, с. 276–277].

Главной политической целью афганской кампании военные считали поддержку режима в Кабуле (прежде всего по идеологическим соображениям) [Громов, с. 198; Ляховский, 1995, с. 617–618] и считали, что ради торжества идеологических представлений жертвы не могут быть оправданы [Громов, с. 196, 218; Ляховский, 1995, с. 122; Сафронов, с. 71]. Также у военных был тезис, что их участие в конфликте превратилось в войну с народом, выиграть которую невозможно [Громов, с. 195–196]. Но для военных было важно, что все это не умаляет значения честно выполненного воинами-интернационалистами долга и что армия не потерпела военного поражения – на этом настаивали все [Громов, с. 237, 331–332; Ляховский, 1995, с. 616–618; Саф-

⁵ Генерал Громов пишет об этом сдержанно [Громов, с. 174–176], а генерал Аушев – резко: «К нам приезжали большие генералы из Москвы и ставки южного направления и начинали махать шашками. Буквально говорили: мы Берлин брали, а вы какой-то кишлак взять не можете?» [«Начальники махали шашками»].

ронов, с. 71; Гареев, с. 376)⁶, некоторые при этом признавали, что военной победы тоже не было [Громов, с. 331], и советское руководство было вынуждено согласиться на вывод войск (из-за внешней и внутренней критики) [Там же, с. 337], или констатировали политическое поражение, которое было вне компетенции военных [Афганистан. Войну проиграли политики; Гареев, с. 70].

В воспоминаниях разведчиков представлен иной взгляд на Афганскую войну. Акцентируется внимание на том, что война шла неудачно, военные операции не давали необходимого результата. При этом одни критиковали военных [Шебаршин, 1992, с. 179–181, 191–192; Леонов, с. 263–266], другие представляли военные неудачи как нечто объективное [Крючков, 1996, с. 210]. Разведчикам было непонятно, почему, если уж ввязались в войну, не воевать в полную силу – они требовали увеличить, если необходимо, группировку, наносить удары по лагерям боевиков на пакистанской территории и т. д. [Леонов, с. 267–268], были не согласны с формулой военных, что в Афганистане имело место политическое, а не военное поражение [Шебаршин, 1992, с. 192]. Вызывала у разведчиков нарекания и работа многочисленных партийных и отраслевых советников [Леонов, с. 267]. При этом разведчики настаивали, что реальные угрозы, которые определяли цели войны, это закрепление США в Афганистане и создание военных угроз для СССР, а также распространение там исламского фундаментализма и его перетекание в СССР с катастрофическими последствиями [Шебаршин, 1992, с. 203; Крючков, 1996, с. 199–202, 241–242].

У разведчиков сформировалось два варианта заключений. Первый, более драматичный, – все пошло не по плану и в конечном счете не получилось, и второй, более спокойный, – все шло медленнее, чем хотелось бы, но в конечном счете главные задачи были решены, а потери признаны небольшими [Крючков, 1996, с. 185, 240]⁷. В первом варианте более резко критикуются военные, а защита тех соображений, которыми обосновывалось военное вмешательство в афганские дела, совмещается с признанием, что ввод войск был ошибкой [Шебаршин, 1994, с. 55]. Во втором критика в адрес военных и советников звучит более сдержанно, зато защищаются представления об угрозах, на основе которых было принято решение о вводе, и сам ввод войск хотя и признается, но звучит мысль о том, что осуществлять его следовало бы по-другому [Крючков, 1996, с. 203, 242]. В обоих этих вариантах есть общее ядро – наличие угрозы, мысль о том, что ввод войск был необходим для защиты жизненно важных интересов СССР [Шебаршин, 1994, с. 203; Крючков, 1996, с. 185, 199].

⁶ Конечно, главным образом это ответ общественному мнению конца 1980-х гг., но упреки в адрес военных – мол, победить не можете – звучали на межведомственных совещаниях еще до перестройки [Майоров, с. 271].

⁷ Есть точка зрения, что боевые потери в Афганской войне завышены, поскольку военных, погибших в результате несчастных случаев, оформляли как боевые потери, чтобы семьи получили льготы и уважение общества [«Начальники махали шашками»].

Подчеркнем, что речь идет не просто о ведомственных, а о более фундаментальных разногласиях, обусловленных разным пониманием каузальности военной тяжести и безнадежности. Тяжелая потому, что безнадежная (из-за своих целей), или безнадежная, потому что тяжелая (из-за того, как идет война)? Военные высказали свою позицию в пользу первого. Разведчики – в пользу второго. Или вообще не признавали войну безнадежной.

Формирование патриотической интерпретации

В 1990-е гг. на постсоветском пространстве происходили события, которые многие связывали с Афганистаном. В Таджикистане в 1992–1997 гг. шла гражданская война, одна из сторон в которой имела поддержку со стороны Афганистана⁸. Это был важный для безопасности России вопрос, так как таджикско-афганскую границу охраняли российские пограничники [Примаков, с. 166]. Первая чеченская война, и особенно вторая, в которых Россия столкнулась не только с сепаратистами, но и с исламистскими экстремистами, также связывались с Афганистаном [Там же, с. 130]. Получивший широкую известность в чеченских кампаниях полевой командир арабского происхождения Хаттаб воевал против советских войск в Афганистане, имел там лагерь подготовки боевиков и провез отряд на «чеченскую кампанию». Первым, с кем де-факто независимая Ичкерия (после Хасавюртовских соглашений 1997 г.) установила дипломатические отношения, было талибское правительство в Афганистане. С учетом всего этого Чечня виделась «не изолированным явлением», а элементом «стратегического исламско-экстремистского треугольника» Афганистан – Северный Кавказ – Косово [Примаков, с. 464].

Все это заставляло произвести переоценку действий СССР в Афганистане. Получалось, что пока советские войска воевали в Афганистане, «дома» также было безопасней. Это могло морально реабилитировать военных, но в еще большей степени – разведчиков. Такие настроения постепенно созревали в среде специалистов (в непубличном пространстве).

Первой крупной публикацией, представившей Афганскую войну в свете таких настроений, была афганская глава книги Р. А. Медведева «Неизвестный Андропов» (1999). Автор исходит из того, что у советского руководства должны были быть очень веские причины для принятия решения о вводе войск [Медведев, с. 277–280], поскольку в Политбюро понимали (это подтверждается документально), что

⁸ Руководство вооруженной оппозиции в 1993 г. эвакуировалось из Таджикистана в Афганистан. Там тоже шла гражданская война, но таджикская оппозиция получала помощь от разных политиков и полевых командиров, в том числе враждовавших между собой; когда в Афганистане появились талибы, они тоже стали оказывать поддержку таджикской вооруженной оппозиции, были и контакты с Хаттабом, позже ставшим широко известным в России по событиям в Чечне [Интервью с участниками Афганской войны].

ввод войск в Афганистан может вылиться в тяжелую войну с народом [Медведев, с. 271–272]. Медведев настаивает, что решение определяли соображения геополитического характера и связанная с ними оценка угроз для СССР (распространение исламского фундаментализма), победа в 1979 г. Исламской революции в Иране (риск ее экспорта сначала в Афганистан, а оттуда в СССР), интерес США к Афганистану («в сознании советских лидеров возникали пугающие картины американских ракет, нацеленных на Советский Союз с территории Афганистана»), попытки китайского «агрессивного маоизма» расширить свое влияние в Азии, решение американцев о размещении в Европе новых ядерных ракет («по логике холодной войны, ослабление позиций... в одном регионе можно и нужно было компенсировать усилением позиций... в другом регионе»), наконец, углубление сближения США и Китая на антисоветской платформе – этот фактор Медведев называет, «может быть, самым важным» [Там же, с. 280–284]. В книге не отражены важные элементы интерпретации военных, но они и не критикуются, эскалация войны и ее тяжесть представлены как некое объективное стечение обстоятельств, и признается то, что «результат оказался противоположным ожидаемому» [Там же, с. 288].

В 2001 г. основные оценки военных и разведчиков свел воедино генерал армии В. И. Варенников [Варенников]. Он не противопоставлял ход войны ее целям. Генерал признал, что за решением о вводе войск стояли соображения, связанные с реальными угрозами, – американская военная угроза с территории Афганистана (если бы американцам удалось включить эту страну в свою сферу влияния) и распространение исламского фундаментализма в направлении СССР [Там же, с. 57, 399]. Цели войны (недопущение реализации этих угроз через поддержку дружественного режима) Варенников назвал и разумными, и достойными [Там же, с. 64, 407, 415]. После этого уже нельзя было признать принципиальную невозможность выиграть войну (ведь тогда получалось бы, что армия не способна выполнить важные государственные задачи). Поэтому, признавая: «да, не победили!» – Варенников не пишет, что победить было невозможно. Если бы военный контингент в Афганистане был увеличен в три-пять раз и наносились авиационные удары по базам на территории Пакистана – тогда моджахедов разгромили бы за несколько месяцев. Признавая саму возможность такой победы, Варенников считает, что лучше было не втягиваться в местную гражданскую войну [Там же, с. 417]. При таком совмещении ключевых элементов военных и разведчиков Афганская война становится не безнадежной, которую невозможно было выиграть и в которую политики бросили армию ради целей, не стоящих того, а нерациональной. Цели были разумны, но достигать их можно и нужно было иначе. Не выбрали же лучшее решение потому, что на каждом этапе находились те, кто этому мешал: в 1979 г. – Д. Ф. Устинов, который, по мнению Варенникова, «пробивал» решение о вводе войск в Афганистан по соображениям

лично-карьерного характера [Варенников, с. 54], в середине 1980-х – М. С. Горбачев и Э. А. Шеварднадзе, которых генерал обвиняет в предательстве [Там же, с. 357].

В период, когда формировалась патриотическая интерпретация, были случаи смещения акцентов при переиздании ранее вышедших книг: во втором издании книги генерала А. А. Ляховского «Трагедия и доблесть Афгана» 2004 г. (первое – 1995 г.) был ослаблен тезис, что война велась преимущественно ради идеологических целей, более выражено звучал тезис о принятии геополитического компонента войны (но она все равно признавалась ошибкой) [Ляховский, 2004, с. 224–227, 776]. В том же издании были существенно сокращены рассуждения о том, что негативные процессы в Средней Азии в 1990-е гг. были спровоцированы Афганской войной [Там же, с. 744, 776], а в издании 2009 г. от обширных прежних рассуждений [Ляховский, 1995, с. 637–649] на этот счет не осталось почти ничего [Ляховский, 2009, с. 1015].

Интересная смысловая правка была внесена при переиздании воспоминаний В. А. Крючкова. В книге 2001 г. отсутствует часть текста про потери, а вместе с ним и фраза, что они были небольшие [Крючков, 2001]. Однако в последующих изданиях 2003 и 2019 гг. эта часть была возвращена [Крючков, 2003, с. 265; Крючков, 2019, с. 200]. Для подведения итогов афганского раздела в 2003 г. была добавлена такая фраза: «уже мало кто критически вспоминает о решении бывших советских руководителей о вводе войск» (в том смысле, что всем стало ясно, что это было правильно) [Крючков, 2003, с. 268]. Впрочем, в переиздании 2019 г. эту фразу убрали, заменив ее на более нейтральную [Крючков, 2019, с. 203–204]⁹. Крючков (или его редакторы) явно хотел усилить тезис, что Афганская война была «не зря» (ставший центральным для патриотической интерпретации), но колебался, в какой степени и как именно это делать.

Отдельный интересный кейс – это взгляды генерала Б. В. Громова. Его современные комментарии полностью соответствуют патриотической интерпретации. Если в прошлом он настаивал на том, что военного поражения не было (признавая, что не было и победы), то в его современных комментариях «непоражение» становится «фактически военно-политической победой» [Герой Советского Союза Борис Громов]. И если раньше он считал главными идеологические цели войны, то теперь говорит только о геополитических и контртеррористических. Однако в 2019 г. впервые после 1994 г. была переиздана его книга «Ограниченный контингент», в которой нет никаких изменений по сравнению с первым изданием. В результате содержание книги и публичные выступления Громова существенно контрастируют друг с другом.

⁹ Необходимо сделать оговорку, что В. А. Крючков умер еще в 2007 г., поэтому не совсем понятно, внес ли он при жизни изменения в воспоминания, с учетом которых они были переизданы через 12 лет после его смерти, или изменения вносились уже правообладателями.

Противоречивой стала и ситуация с постановлением 1989 г. о политическом и моральном осуждении решения о вводе войск, по поводу которого «афганцы» давно выражают недовольство. Действительно, если в рамках патриотической интерпретации признаются разумными соображения, которые стояли за решением о вводе войск в Афганистан, то почему же само это решение заслуживает морального и политического осуждения? В худшем случае это ошибка, как об этом и говорят. При этом смещаются акценты при указании, что именно является ошибкой. В ноябре 2018 г. в Госдуме были проведены слушания, на которых был представлен проект постановления, в котором моральное и политическое осуждение ввода войск признавалось «не соответствующим принципам исторической справедливости» [В Госдуме одобрили проект документа о пересмотре политических оценок войны в Афганистане]. В январе 2019 г. Комитет по обороне предложил его рассмотреть на заседании Госдумы и утвердить 14 февраля, ровно к дате вывода войск (15 февраля). В СМИ это широко комментировалось, и в основном в позитивном ключе. Однако вопрос так и не был вынесен на рассмотрение, и тема была закрыта. Можно предположить, что если бы существовала однозначная позиция против принятия такого документа, то «Единая Россия» как партия парламентского большинства могла бы заблокировать его «на дальних подступах», еще в комитете. Однако вопрос был снят буквально в последний момент.

Интересной представляется ситуация с фильмом П. Лунгина «Братство» (2019). Ранее «афганцы» критически отнеслись к телевизионному сериалу «Ненастье» (2018) по одноименной книге А. Иванова, в котором ставятся под сомнение важные ценности их субкультуры (честность, братство, солидарность) [Иванов]. В отличие от этого, общий тон картины «Братство», в том числе название, вроде бы соответствовал патриотической интерпретации. Идея сюжета принадлежит генералу спецслужб Н. Д. Ковалеву (бывшему директору ФСБ, а потом на протяжении многих лет депутату Госдумы, члену фракции партии большинства); представители пресс-службы фильма заявляли, что он «основан на воспоминаниях старших офицеров службы внешней разведки» [Фильм Павла Лунгина]. Однако уже после предварительных просмотров в начале 2019 г. картина вызвала серьезный скандал. В ней есть моменты, представляющие военных в неприглядном виде (пьянство, коррупция и т. п.). Но основная проблема – в сюжетной линии: разведчик (главный герой) договаривается с командиром моджахедов о безопасном проходе подразделения советских войск. Армейский генерал, который находится в трудной эмоциональной ситуации (только что в плену погиб его сын), поддавшись чувству мести, прикрывая свои истинные мотивы просьбами просоветских афганских политиков, наносит по моджахедам сокрушительный удар, не щадя ни своих, ни чужих. Картина вызвала критику, в том числе и отставников КГБ/ФСБ, но в гораздо большей

степени – ветеранов-военных. В результате Министерство культуры перенесло выход фильма, планировавшийся изначально на 9 мая, и он не стал «хитом» в год 30-летия вывода войск из Афганистана.

Описанные случаи противоречий свидетельствуют, что память об Афганской войне пока не устоялась в общественном сознании: отношение к ней остается неоднозначным. На уровне профессиональных сообществ военных и разведчиков, а также политиков и госчиновников есть полное признание патриотической интерпретации и готовность ее придерживаться, соблюдая баланс между исходными трактовками тех и других. Однако этой интерпретации не удается придать цельность, отсутствует устойчивое понимание, что «правильно», а что нет, и где границы допустимого в трактовке фактов и в цитируемых мнениях.

Интерпретации и историческое знание

В начале 1990-х гг. публикации воспоминаний давали не отраженную в документах (или отраженную неполно) информацию, которая позволяла лучше понять документы – это помогало познавательному процессу, но воспоминания также и преображали прошлое. Для минимизации эффекта аберрации воспоминания воспринимались критически: исследователи сопоставляли данные документов из разных источников, реконструируя исторические события.

Ведомственные интерпретации военных и разведчиков давали информацию об их спорах времен Афганской войны (само их выявление стало значительным приращением к объективному знанию), но они их и продолжали, а значит, появлялись ретроспективные суждения, которые могли исказить изначальный ведомственный спор. Военные и разведчики представляли свои взгляды на Афганскую войну с учетом критического отношения, возникшего к ней в период перестройки. Советское руководство принимало решения, не понимая рисков? Или оно осознавало риски и все-таки пошло на ввод войск? Все эти вопросы переводили обсуждение Афганской войны в плоскость целей и издержек военной и внешней политики – ради чего и чем оно готово было жертвовать.

Появлялись версии событий, которые снимали остроту этих вопросов. Иногда говорят, что в Афганскую войну СССР втянули. Особенно на этом настаивали дипломаты, например, посол Ю. М. Воронцов [Дипломат Юлий Воронцов, с. 143, 147–148] и бывший советник Х. Амина В. С. Сафрончук (в документальном фильме «Афганский капкан»). Если «втянули», то, следовательно, вопрос о соотношении между издержками и целями войны стоял перед советским руководством не столь остро, как при инициативном решении. Также появилась версия, что изначально советское руководство не знало о реальном положении дел в Афганистане [Примаков, с. 188–189] и не предвидело последствий ввода войск [Гареев, с. 48], а значит, недооценивало тяжесть и безнадежность войны. Постепенное осознание ситуации

действительно происходило у специалистов, попавших на работу в Афганистан [«Нельзя множить ложь»], но документы показывают, что члены Политбюро признавали риски (до ввода войск) и трудности (после того, как он состоялся). Из того, что А. Н. Косыгин по поручению Политбюро говорил афганскому лидеру Н. Тараки 20 марта 1979 г. [Запись беседы], можно было бы составить статью с критикой Афганской войны, актуальную для времен перестройки (заменив будущее время на прошедшее). Примерно то же самое обсуждалось на заседаниях Политбюро – будет война с народом, будут тяжелые международные последствия, «мы можем удержать революцию в Афганистане только с помощью своих штыков, а это совершенно недопустимо для нас. Мы не можем пойти на такой риск» [Заседание Политбюро ЦК КПСС, 18 марта 1979]. В 1983 г. Ю. В. Андропов говорил на Политбюро, что решение принимали тяжело (то есть знали, на что шли), что надо принять трудности (борьба с басмачами в СССР тоже была тяжелая и долгая): «нам дает здесь бой американский империализм. <...> Поэтому отступить мы не можем» [Заседание Политбюро ЦК КПСС, 10 марта 1983 года].

При формировании общей для военных и разведчиков патриотической интерпретации ее влияние на знание об Афганской войне стало еще более существенным. Исходное допущение, на котором началось формирование патриотической интерпретации («события после вывода войск показали, что Афганская война имела смысл, так как сдерживала исламистскую угрозу»), не является достоверной информацией. Сразу после вывода войск такие рассуждения были свойственны разведчикам [Крючков, 1996, с. 200, 242], военные же либо отмечали, что в ходе войны душманы стали нападать на советско-афганскую границу в основном из чувства мести [Громов, с. 197], либо прямо говорили – исламистская угроза с юга двинулась в сторону СССР и России из-за Афганской войны [Ляховский, 1995, с. 637, 648–649].

К тому же есть данные, что у части советских граждан среднеазиатского происхождения отношение к Афганской войне было неоднозначным. Б. Громов писал, что среди них были случаи открытого отказа принимать участие в боевых действиях, известны и небезуспешные попытки душманов склонить их к сотрудничеству [Громов, с. 284]). И все-таки многие советские граждане из Средней Азии (не только призывники-солдаты, но и офицеры, переводчики, многочисленные гражданские советники) искренне верили в то, что они несли прогрессивные идеи в Афганистан, когда отправлялись туда. Однако потом происходило переосмысление ситуации. В Афганистане существовал культурный контекст, от которого советские граждане в Средней Азии были отсоединены примерно одно поколение (в конце 1930-х и в 1940-е гг.); при соприкосновении с ним оказывалось, что он им в той или иной степени безразличен, особенно людям образованным. В Таджикской ССР это способствовало формированию настроений, которые выражало движение «Растохез» (в его

руководстве были люди с опытом советнической работы в Афганистане), направленное на воссоединение с персоязычным культурным и политическим пространством. На бытовом уровне бывали истории, когда перед отъездом в Афганистан молодые люди слышали от своих дедов просьбы «найти родню» (выяснялось, что кто-то из родственников в 1920–1930-е гг. ушел от советской власти в Афганистан); вполне искренние комсомольцы и коммунисты не относились к ним всерьез. Но потом в Афганистане при общем переосмыслении ситуации они все-таки пробовали искать (особенно в последний период Афганской войны, когда контроль органов госбезопасности и партийных несколько ослаб) и в некоторых случаях находили родственников [Интервью с участниками Афганской войны]. Из Афганистана возвращались не те советские люди, которые туда отправлялись. Это способствовало дезинтеграционным процессам в СССР и, кроме того, делало Среднюю Азию более открытой для влияния с юга, в том числе для продвижения радикальных идей.

Можно возразить, что в интерпретациях военных и разведчиков по отдельности тоже существовали допущения или подгонка фактов. Действительно, многие из тех, кто были на Афганской войне, считали, что командование не берегло людей, что было много ненужных жертв и среди своих, и среди афганцев. Более того, при анализе ведомственных интерпретаций к селективному использованию фактов нужно относиться с пониманием: обнаружение преувеличений в отдельных положениях, на которых построены эти интерпретации, не делает их менее достоверными. Как это ни покажется парадоксальным, используя допущения и ведомственные интерпретации, авторы в конечном счете стремились донести свой главный тезис.

Вместе с тем в ведомственных интерпретациях поступки советского руководства и высокопоставленных чиновников были понятны (хотя их можно было по-разному оценивать и по-разному к ним относиться). Но как в рамках патриотической интерпретации понять то, что Г. М. Корниенко (многолетний заместитель министра иностранных дел, государственный критик внешнеполитического курса Горбачева – Шеварднадзе) всерьез рассуждал о том, не правильнее ли было уйти в отставку в знак несогласия с решением о вводе войск, чтобы не иметь к «афганскому вопросу» никакого касательства [Корниенко, с. 208]? В драматических тонах рассуждал о своем несогласии с Афганской войной и генерал армии М. М. Майоров [Майоров, с. 285]. Если цели Афганской войны реабилитированы, означает ли это, что те, кто выступали против ввода войск, недооценивали их значение, а, следовательно, и их возражения были излишними?

Необходимо также отметить, что ветераны Афганской войны все в большей степени рассматривают себя в качестве субъектов знания о войне и претендуют на исключительную роль в определении его достоверности. Ими ставится задача «настойчиво оппонировать» силами ветеранских организаций неправильным, с их точки зрения, трактов-

кам; это помещается в общий контекст недопущения очернительства отечественной истории [Герой Советского Союза Борис Громов].

Ведомственные интерпретации в том виде, в каком они сформировались сразу после войны в воспоминаниях ее участников и свидетелей, были во многом ответом на запрос общества узнать больше об этой войне. Полноценно вынести вопросы, поднимавшиеся в ведомственных интерпретациях, на суд истории как науки о прошлом не получилось. Негативные процессы постсоветского времени оказалось возможным связать с Афганской войной. На этой базе в 2000-е гг. сформировалась общая патриотическая интерпретация, которая реабилитировала и цели, и ход войны, и даже ее результаты. Она закончила для военных и разведчиков выход из войны: они оставили давние споры. Патриотическая интерпретация и ее сторонники в лице ветеранской общественности теперь выступают не как часть объекта, а как субъект знания об Афганской войне, претендуя на исключительную роль в определении его достоверности. Они продолжают настойчиво оппонировать «неправильному» освещению этой войны в источниках и исследованиях. Но общество в целом патриотическая интерпретация не приближает к объективному знанию (наоборот, скорее отдаляет от него), хотя именно способность его принять и можно считать окончательным переходом от войны к миру.

Список литературы

Афганистан. Войну проиграли политики : беседа нашего корреспондента Н. Топуридзе с профессором, доктором философских наук, генерал-майором К. Цаголовым // Аргументы и факты : [сайт]. 1989. 30 сент. URL: <https://aif.ru/archive/1650849> (дата обращения: 30.01.2020).

Афганистан: предварительные итоги : беседа корреспондента «Огонька» Артема Боровика с доктором философских наук, начальником кафедры марксизма-ленинизма Военной академии имени М. В. Фрунзе генерал-майором К. Цаголовым // Огонек. 1988. № 30. С. 25–27.

В Госдуме одобрили проект документа о пересмотре политических оценок войны в Афганистане // Интерфакс : [сайт]. 2018. 21 нояб. URL: <https://www.interfax.ru/russia/638844> (дата обращения: 30.01.2020).

Варенников В. И. Неповторимое : в 7 кн. М. : Сов. писатель, 2001. Кн. 5. 444 с.

Война в Афганистане. М. : Воениздат, 1991. 367 с.

Гареев М. А. Моя последняя война: Афганистан без советских войск. М. : НПО «ИНСАН», 1996. 431 с.

Герой Советского Союза Борис Громов: «Они заслужили право на достойную жизнь после подвига» // Боевое братство : [сайт]. 2014. 15 дек. URL: <http://bb-khv.ru/index.php/information/704-2014-01-29-12-28-34> (дата обращения: 30.01.2020).

Громов Б. В. Ограниченный контингент. М. : Прогресс, 1994. 352 с.

Дипломат Юлий Воронцов. Сборник воспоминаний / под ред. В. Н. Казимирова. М. : Междунар. отношения, 2009. 264 с.

Запись беседы А. Н. Косыгина, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинова, Б. Н. Пономарева с Н. М. Тараки, 20 марта 1979 года // Архив национальной безопасности : [сайт]. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/March%2020,%201979-2.pdf (дата обращения: 22.10.2019).

Заседание Политбюро ЦК КПСС (рабочая запись), 18 марта 1979 года // Johns Hopkins University. Soviet Archives : [website]. <http://psi.ece.jhu.edu/kaplan1/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/afgh/afg79pb.pdf> (дата обращения: 30.01.2019).

Заседание Политбюро ЦК КПСС (рабочая запись), 10 марта 1983 года // Johns Hopkins University. Soviet Archives : [website]. <http://psi.ece.jhu.edu/kaplan1/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/afgh/pb83-4.pdf> (дата обращения: 30.01.2019).

Иванов А. В. Ненастье. М. : АСТ, 2015. 637 с.

Интервью с участниками Афганской войны из числа жителей Таджикской ССР. 2014. Февраль-май. Душанбе, Республика Таджикистан // Личный архив И. А. Сафранчука.

Корниенко Г. М. Холодная война : Свидетельство ее участника. М. : Междунар. отношения, 1995. 288 с.

Крючков В. А. Личное дело : в 2 ч. М. : Олимп, 1996. Ч. 2. 444 с.

Крючков В. А. Личное дело. Три дня и вся жизнь. М. : Олимп, 2001. 492 с.

Крючков В. А. Личное дело. Три дня и вся жизнь. М. : ЭКСМО, 2003. 477 с.

Крючков В. А. Личное дело. Три дня и вся жизнь. М. : Центрполиграф, 2019. 573 с.

Леонов Н. С. Лихолетье. М. : Междунар. отношения, 1994. 395 с.

Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. М. : Искона, 1995. 996 с.

Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. 2-е изд. Ярославль : Норд, 2004. 799 с.

Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. М. : ЭКСМО, 2009. 1085 с.

Майоров А. М. Правда об Афганской войне : Свидетельства главного военного советника. М. : Права человека, 1996. 287 с.

Медведев Р. А. Неизвестный Андропов. Ростов н/Д : Феникс, 1999. 510 с.

Меримский В. А. Кабул – Москва: война по заказу // Военно-исторический журнал. 1993. № 10. С. 11–21. № 12. С. 27–32.

«Начальники махали шашками: мы Берлин брали, а вы кишлак взять не можете?» : интервью Героя Советского Союза, ветерана-афганца Руслана Аушева // Новая газета : [сайт]. 2019. 25 дек. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/12/25/83292-nachalniki-mahali-shashkami-my-berlin-brali-a-vy-kishlak-vzyat-ne-mozhete> (дата обращения: 30.01.2020).

«Нельзя множить ложь» : беседуют Александр Проханов и зам. министра РФ по делам национальностей и федеративным отношениям генерал Ким Цаголов // Завтра : [сайт]. 1997. 05 авг. URL: <http://zavtra.ru/blogs/1997-08-053all> (дата обращения: 30.01.2020).

Примаков Е. М. Встречи на перекрестках. М. : Центрполиграф, 2015. 860 с.

Сафронов В. Г. Как это было // Военно-исторический журнал. 1990. № 5. С. 66–71.

Фильм Павла Лунгина «Братство» выйдет в прокат осенью // РИА Новости : [сайт]. 2018. 19 марта. URL: <https://ria.ru/20180319/1516761677.html> (дата обращения: 30.01.2020).

Шебаршин Л. В. Рука Москвы : Записки начальника советской разведки. М. : Центр-100, 1992. 349 с.

Шебаршин Л. В. Из жизни начальника разведки. М. : Междунар. отношения, 1994. 189 с.

References

Afganistan. Voinu proigrali politiki. Beseda nashogo korrespondenta N. Topuridze s professorom, doktorom filosofskikh nauk, general-maiorom K. Tsagolovym [Afghanistan. The War Was Lost by Politicians. An Interview of Our Correspondent N. Topuridze with Major General K. Tsagolov, Professor, Dr. Hab. (Philosophy)]. In *Argumenty i fakty* [website]. 30 September. URL: <https://aif.ru/archive/1650849> (mode of access: 30.01.2020).

Afganistan: predvaritel'nye itogi. Beseda korespondenta "Ogon'ka" Artema Borovika s doktorom filosofskikh nauk, nachal'nikom kafedry marksizma-leninizma Voennoi akademii imeni M. V. Frunze general-maiorom K. Tsagolovym [Afghanistan: Preliminary Results. An Interview of Artyom Borovik, an *Ogonyok* Correspondent, with Major General

K. Tsagolov, Dr. Hab. (Philosophy), Head of the Department of Marxism-Leninism of Frunze Military Academy]. (1988). In *Ogonek*. No. 30, pp. 25–27.

Fil'm Pavla Lungina "Bratstvo" vyidet v prokat osen'yu [The Film *Brotherhood* by Pavel Lungin to be Released this Autumn]. (2018). In *RIA Novosti* [website]. 19 March. URL: <https://ria.ru/20180319/1516761677.html> (mode of access: 30.01.2020).

Gareev, M. A. (1996). *Moya poslednyaya voina. Afganistan bez sovetskikh voisk* [My Last War. Afghanistan Without Russian Troops]. Moscow, NPO "INSAN". 431 p.

Geroi Sovetskogo Soyuza Boris Gromov: "Oni zasluzhili pravo na dostoinuyu zhizn' posle podviga" [Hero of the Soviet Union Boris Gromov: "They earned the right to a dignified life after the feat"]. (2014). In *Boevoe bratstvo* [website]. 15 December. URL: <http://bb-khv.ru/index.php/information/704-2014-01-29-12-28-34> (mode of access: 30.01.2020)

Gromov, B. V. (1994). *Ogranichennyi kontingent* [Limited Military Presence]. Moscow, Progress. 352 p.

Interv'yu s uchastnikami Afganskoi voiny iz chisla zhitelei Tadjikskoi SSR. 2014. Fevral'-mai. Dushanbe, Respublika Tadjikistan [Interviews with Participants of the War in Afghanistan from among the Residents of the Tajik SSR. 2014. February-May. Dushanbe, Tajikistan]. (2014). In *I. A. Safranchuk's private archive*.

Ivanov, A. V. (2015). *Nenast'e* [Foul Weather]. Moscow, AST. 637 p.

Kazimirov, V. N. (Ed.). (2009). *Diplomat Yulii Vorontsov. Sbornik vospominanii* [Diplomat Yuly Vorontsov. A Collection of Memoirs]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 264 p.

Kornienko, G. M. (1995). *Kholodnaya voina. Svidetel'stvo ee uchastnika* [Cold War. Testimony of a Participant]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 288 p.

Kryuchkov, V. A. (1996). *Lichnoe delo v 2 ch.* [Personal File. 2 Parts]. Moscow, Olimp. Part 2. 444 p.

Kryuchkov, V. A. (2001). *Lichnoe delo. Tri dnya i vsya zhizn'* [Personal File. Three Days and the Whole Life]. Moscow, Olimp. 492 p.

Kryuchkov, V. A. (2003). *Lichnoe delo. Tri dnya i vsya zhizn'* [Personal File. Three Days and the Whole Life]. Moscow, EKSMO. 477 p.

Kryuchkov, V. A. (2019). *Lichnoe delo. Tri dnya i vsya zhizn'* [Personal File. Three Days and the Whole Life]. Moscow, Tsentrpoligraf. 573 p.

Leonov, N. S. (1994). *Likholet'e* [Hard Time]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 395 p.

Lyakhovskii A. (2009). *Tragediya i doblest' Afgana* [The Tragedy and Valor of Afghanistan]. Moscow, EKSMO. 1085 p.

Lyakhovskii, A. (1995). *Tragediya i doblest' Afgana* [The Tragedy and Valor of Afghanistan]. Moscow, Iskona. 996 p.

Lyakhovskii, A. (2004). *Tragediya i doblest' Afgana* [The Tragedy and Valor of Afghanistan]. 2nd Ed. Yaroslavl, Nord. 799 p.

Maiorov, A. M. (1996). *Pravda ob Afganskoi voine. Svidetel'stva glavnogo voennogo sovetnika* [The Truth about the War in Afghanistan. Memoirs of the Chief Military Adviser]. Moscow, Prava cheloveka. 287 p.

Medvedev, R. A. (1999). *Neizvestnyi Andropov* [Unknown Andropov]. Rostov-on-Don, Feniks. 510 p.

Merimskii, V. A. (1993). Kabul – Moskva: voina po zakazu [Kabul – Moscow: War by Order]. In *Voенно-istoricheskii zhurnal*. No. 10, pp. 11–21. No. 12, pp. 27–32.

"Nachal'niki makhali shashkami: my Berlin brali, a vy kishlak vzyat' ne mozhete?". Interv'yu Geroya Sovetskogo Soyuza, veterana-afgantsa Ruslana Ausheva ["The bosses waved sabers: we took Berlin, but you can't take a village?"] Interview with Hero of the Soviet Union, Veteran of the War in Afghanistan Ruslan Aushev]. (2019). In *Novaya gazeta* [website]. 25 December. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2019/12/25/83292-nachalniki-mahali-shashkami-my-berlin-brali-a-vy-kishlak-vzyat-ne-mozhete> (mode of access: 30.01.2020).

"Nel'zya mnozhit' lozh". Besedyut Aleksandr Prokhanov i zamestitel' ministra Rossiiskoi Federatsii po delam natsional'nostei i federativnym otnosheniyam general Kim

Tsagolov ["Let us not multiply lies". Aleksander Prokhanov and Deputy Minister Talk. Minister of the Russian Federation for Nationalities and Federal Affairs, General Kim Tsagolov]. (1997). In *Zavtra* [website]. 5 August. URL: <http://zavtra.ru/blogs/1997-08-053all> (mode of access: 30.01.2020).

Primakov, E. M. (2015). *Vstrechi na perekrestkakh* [Meetings at the Crossroads]. Moscow, Tsentrpoligraf. 860 p.

Safronov, V. G. (1990). Kak eto bylo [The Way it Happened]. (1990). In *Voenno-istoricheskii zhurnal*. No. 5, pp. 66–71.

Shebarshin, L. V. (1992). *Ruka Moskvy. Zapiski nachal'nika sovetskoj razvedki* [Moscow's Hand. Notes of the Chief of Soviet Intelligence]. Moscow, Tsentr-100. 349 p.

Shebarshin, L. V. (1994). *Iz zhizni nachal'nika razvedki* [About the Life of a Chief of Intelligence]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya. 189 p.

V Gosdume odobrili proekt dokumenta o peresmotre politicheskikh otsenok voiny v Afganistane [The State Duma Approved a Draft Document on the Revision of Political Assessments of the War in Afghanistan]. (2018). In *Interfaks* [website]. November 21. URL: <https://www.interfax.ru/russia/638844> (mode of access: 30.01.2020).

Varennikov, V. I. (2001). *Nepovtorimoe v 7 kn.* [The Inimitable. 7 Books]. Moscow, Sovetskii pisatel'. Book 5. 444 p.

Voina v Afganistane [War in Afghanistan]. (1991). Moscow, Voenizdat. 367 p.

Zapis' besedy A. N. Kosygina, A. A. Gromyko, D. F. Ustinova, B. N. Ponomareva s N. M. Taraki, 20 marta 1979 goda [Record of the Conversation of A. N. Kosygin, A. A. Gromyko, D. F. Ustinov, B. N. Ponomarev, and N. M. Taraki, 20 March 1979]. (1979). In *Arkhiv natsional'noi bezopasnosti* [website]. URL: https://nsarchive2.gwu.edu/rus/text_files/Afganistan/March%2020,%201979-2.pdf (mode of access: 22.10.2019).

Zasedanie Politbyuro TsK KPSS (rabochaya zapis'), 18 marta 1979 goda [Minutes of Politburo Meetings, 18 March 1979]. (1979). In *Johns Hopkins University. Soviet Archives* [website]. URL: <http://psi.ece.jhu.edu/kaplan1/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/afgh/afg79pb.pdf> (mode of access: 30.01.2019).

Zasedanie Politbyuro TsK KPSS (rabochaya zapis'), 10 marta 1983 goda [Minutes of Politburo Meetings, 10 March 1983]. (1983). In *Johns Hopkins University. Soviet Archives* [website]. URL: <http://psi.ece.jhu.edu/kaplan1/IRUSS/BUK/GBARC/pdfs/afgh/pb83-4.pdf> (mode of access: 30.01.2019).

The article was submitted on 25.11.2019